

телей просвещения в средний век» — извещал он своих друзей Н. Г. и Е. П. Фроловых²³. Но желание не осуществилось. Заветные мысли о науке истории он намеревался в 1855 г. изложить в особых статьях, дав им заглавие «Исторические письма». Можно полагать, что от этого замысла получили точно такое же заглавие известные статьи С. М. Соловьева 1858 г.

Наступили дни юбилея Московского университета. Проходили официальные торжества — богослужение в университетской церкви, акт, обеды с гостями и речами. Однако депутаты и гости съезжались и сходились и приватно у отдельных профессоров. Не раз такие вечера собирались и у Грановского.

Через месяц после юбилея и всех этих встреч, в феврале 1855 г. умер Николай I. Передовая Россия с облегчением вздохнула — не стало «всероссийского тормоза». «Конечно, я не был опечален смертью Николая», — отметил в своих записках Соловьев, человек очень близкий к Грановскому. Те же записки сохранили и непосредственный отклик Грановского на смерть царя. Приехав в университетскую церковь для принесения присяги новому царю, Соловьев встретил на крыльце Грановского: «Первое мое слово ему было: „Умер!“ Он отвечал: „Нет ничего удивительного, что он умер; удивительно то, что мы с вами живы“»²⁴.

В конце августа того же года русские войска вынуждены были оставить развалины Севастополя. Проигранная царизмом война шла к концу. Общественное мнение проявлялось живее. По рукам ходили проекты реформ. Первые издания Вольной русской типографии Герцена стали потаенно доходить из-за рубежа в Россию. Страна стояла накануне нового. Не всем суждено было его дождаться.

...Утром 4 октября 1855 г. Грановский дома в одночасье умер. «Ничья смерть так сильно не поражала университет с незапамятного времени, как смерть его, — засвидетельствовал в своем дневнике профессор О. М. Бодянский, — все без исключения были под гнетом ее; с утра и до поздней ночи двери жилища его не затворялись»²⁵. В пятницу 7 октября Московский университет и Москва похоронили Грановского. Студенты несли гроб от университета на Моховой до Пятницкого кладбища через весь город на руках. В тот же день в Петербурге профессор А. В. Никитенко закрепил в своем дневнике чувства и мысли: «Боже мой, какое горе, какая потеря для науки, для мысли, для всего высокого и прекрасного: Грановский умер! Это был в нашем ученом сословии человек, которого можно было вполне уважать, в правоту ума и сердца которого можно было безусловно верить. Он был чист, как луч солнца, от всякой скверны

²³ Т. Н. Грановский и его переписка, т. 2, с. 434.

²⁴ Соловьев С. М. Избранные труды. Записки. М., 1983, с. 335.

²⁵ Выдержки из дневника О. М. Бодянского. — Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 г. М., 1891, с. 134.